

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083

«ПРОКАЖЕННАЯ ДВОРЦОВАЯ КАМАРИЛЬЯ»: РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТЕМНЫХ СИЛ» ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния камарильи на внутреннюю и внешнюю политику последнего русского императора. На основе анализа материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и других источников в статье дается оценка роли и значения камарильи в принятии политических решений Николаем II. В статье делается вывод о том, что камарилья, так называемые «темные силы», наряду с другими негативными факторами сыграли роковую роль в судьбе страны.

Ключевые слова: камарилья, «темные силы», монархия, Николай II, Чрезвычайная следственная комиссия.

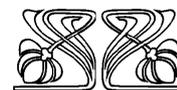
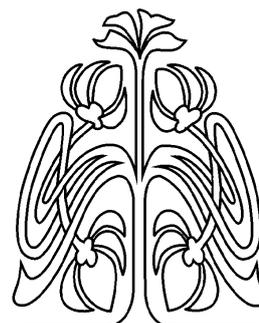
«Leprous Court Camarilla»: Investigation of Activity of «Dark Forces» of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government

Yu. V. Varfolomeev

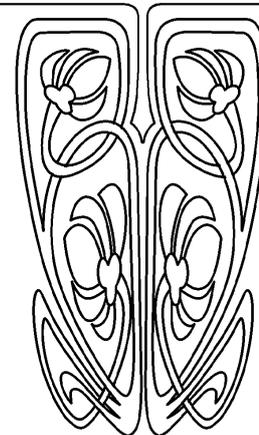
The paper addresses the problem of the influence of the camarilla of internal and external policies of the last Russian emperor. Based on the analysis of materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government, and other sources in the article assesses the role and importance of the camarilla in policy decisions Nicholas II. The article concludes that the camarilla, the so-called «dark forces», along with other negative factors, have played a fateful role in the fate of the country.
Key words: camarilla, «dark forces», a monarchy, Nicholas II, Extraordinary Commission of Inquiry.

Впервые выражение «темные силы» для обозначения легиона политических авантюристов или, как их чаще всего называли, «проходимцев с чудовищным Распутиным во главе...»¹ появилось в 1915 г. в подцензурной печати². Под весьма символическим номером «13» в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК) работала следственная часть, которая расследовала деятельность «темных сил». Этому отделу ЧСК было присвоено официальное наименование «Обследование деятельности темных сил»³, а возглавил его В.М. Руднев⁴. Видными представителями «темных сил», наряду с Г.Е. Распутиным, комиссией были признаны фрейлина императрицы А.А. Вырубова, кн. М.М. Андронников, И.Ф. Манасевич-Мануйлов, П.А. Бадмаев, дворцовый комендант В.Н. Воейков, генерал-историограф Д.Н. Дубенский, О.Н. Лохтина и др. Большинство представителей «темных сил», которым народная молва приписывала обвинение в государственной измене и шпионаже, входило в ближайшее окружение, или придворную камарилью императора. Само понятие «темные силы», использованное для криминальной идентификации этой категории, отнюдь не правовое, а скорее публицистическое или политологическое.

Лидер кадетов П.Н. Милюков во время допроса в ЧСК представил классификацию этой группы, разделив их на три категории. «Во-первых, двор и ближайшая обстановка двора. Это один элемент, – считал он. – Затем есть реакционное дворянство около “совета объединен-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ного дворянства”, и, наконец, есть организации, которые являлись орудием этих других сил, т.е. двора и реакционного дворянства. Так что, собственно, тут три элемента можно проследить»⁵. Член Государственной думы, лидер октябристов А.И. Гучков в своих показаниях ЧСК изложил также трехчленную схему классификации реакционных сил, или, как он их назвал, «три гнезда»: 1) придворные сферы – камарилья; 2) группа высших бюрократов, которые объединились в виде правого крыла в Государственном совете; 3) так называемое объединенное дворянство⁶. При некотором различии предложенных схем и в той и в другой видные российские политики выделяли: во-первых, «двор и ближайшую обстановку двора», «придворные сферы», или, одним словом, камарилью, и, во-вторых, реакционные элементы «совета объединенного дворянства». Как видим, камарилья, в обоих случаях занимала в политическом раскладе безответственных, реакционных сил ведущее место.

Ученые и политики расходятся в определении понятия «камарилья»⁷. Охарактеризовав камарилью «как общественную плесень и ржавчину», а ее представителей как «мастодонтов и ихтиозавров», В.И. Ленин утверждал: «Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство – кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи»⁸. Кроме того, вождь большевиков обозначил камарилью как политический институт, являющийся органической частью абсолютизма и выражающий его самые реакционные черты, как неофициальное правительство, стремящееся диктовать свою волю правительству официальному, управляющему страной на основании закона. «Дело в том, – писал он, – что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существуют собственно два правительства: одно официальное – кабинет министров, другое закулисное – придворная камарилья»⁹.

«Однако, – резонно возражает И.В. Лукоянов, – в состав этого “второго правительства” исследователи почему-то включали в первую очередь представителей “первого”: В.Б. Фредерикса (министра императорского двора), А.С. Танеева (главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией – должностной, приравненной к министерской), В.Н. Орлова (начальника военно-походной канцелярии Николая II до 27 августа 1915 г. – также уровень министра)»¹⁰. Квалифицировать камарилью, как второе «закулисное», «неофициальное» правительство согласно ленинской формулировке нельзя и с правовой точки зрения, так как политический строй абсолютной монархии предполагает легитимное

присутствие в иерархии власти и великих князей, как представителей царствующей фамилии, и различных должностных лиц царского двора, осуществляющих свои государственные полномочия вполне официально и публично.

В ходе конфронтации «Прогрессивного блока» и царизма в противовес либерально-демократическим силам утвердилась, как считал А.Я. Аврех, «четырёхчленная схема» или, точнее, сложился могущественный четырехугольник: Распутин – Вырубова – царица – царь. Эту формулу Н. Врангель выразил следующим образом: «Государством правила его (Николая II. – Ю.В.) жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушался»¹¹. Согласно этой схеме в наиболее упрощенном виде представлялось, что советы Распутина, которым безоговорочно следовала царская чета, и погубили монархию. «Иначе говоря, будь в то время другой царь или, что равнозначно, обладай волей и характером, ход российской истории и судьба монархии были бы иными»¹², – расшифровывал эту схему Аврех, хотя сам и не соглашался с этим выводом. В то же время «...разобраться в сложных и разнообразных причинах разрушения русской государственности без выяснения основных свойств Николая и его супруги невозможно, – считал товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко. – Участие в государственной жизни России и влияние на ход событий не только царя, но и покойной царицы слишком для этого значительны; они должны быть признаны едва ли не решающими»¹³.

Период формирования камарильи при царском дворе последнего российского императора И.В. Лукоянов относит к 1898–1903 гг. «Участие подобных личностей в политике самодержавного государства – верный индикатор болезни власти, кризиса системы управления, – отмечает он. – Однако процесс формирования и усиления камарильи в это время не был необратимым. Свидетельство тому премьерство П.А. Столыпина, когда атмосфера в верхах стала чище. Всякого рода проходимцам путь на вершину исполнительной власти был в основном перекрыт. Столыпин не реагировал на обращения “людей ниоткуда”, и в этом отношении показательна злоба на него М.М. Андроникова»¹⁴.

Среди историков нет единства в оценке влияния камарильи. Судя по всему, Аврех не делал никакого различия между камарильей и олигархией¹⁵, и «не сумев найти точное определение камарильи, он, – по мнению Лукоянова, – не склонен был преувеличивать ее значение, отмечая, что возможности камарильи в основном не простирались далее кадровых назначений»¹⁶. Г.З. Иоффе охарактеризовал камарилью как группу лиц, подобранных к трону и искавших, прежде всего, корыстной выгоды, но неспособных проводить какую-либо осознанную и разработанную политику¹⁷. «Камарилья, – предлагает свою трактовку этого понятия Лукоянов, – это, прежде

всего, не предусмотренная законодательством система принятия и реализации важных политических решений, за которой стоят безответственные (то есть не занимающие ключевых постов в административном аппарате) и некомпетентные лица, получившие доступ к царю или крупнейшим сановникам. Личный характер влияния этих людей дает им возможность действовать без контроля бюрократии. Иначе говоря, камарилья – это неофициальные влияния безответственных “людей ниоткуда”, парализующие обычную деятельность управленческого аппарата»¹⁸.

Аврех считал, что главная цель камарильи заключалась «...в сохранении существующего режима – источника ее благополучия. Однако разложение царизма зашло в последние годы его существования так далеко, изоляция камарильи от подлинной жизни страны и ее проблем была столь необратимой, что лишь небольшая часть придворных кругов, движимая инстинктом самосохранения, считала необходимым задуматься о судьбах режима и как-то вмешаться в политику царя. Людей, оказывавших сколько-нибудь серьезное политическое влияние на Николая II, было очень мало»¹⁹, и ссылался при этом на свидетельства протопресвитера русской армии Г.И. Шавельского, который, описывая окружение царя в Ставке, констатировал: «свита – люди “благонамеренные”, в большей или меньшей степени ему преданные, но у лучших из них недоставало мужества говорить правду и почти у всех – государственного опыта, знаний, мудрости, чтобы самим разобраться в происходящем и предостеречь государя от неверных шагов»²⁰.

В своих воспоминаниях Г.И. Шавельский оставил меткие и подробные характеристики сановников из ближайшей свиты Николая II, «...с которой он проводил большую часть дня»²¹. Эти люди по определению входили в камарилью и, следовательно, могли играть какую-то политическую роль в стране и влиять на императора. Дворцовый комендант В.Н. Воейков, по мнению священника, был самым ловким из царского окружения, но имел дурную привычку расценивать события легковесно – «грозные тучи принимать за маленькое облачко», хотя и был, на его взгляд, самым искусным в обхаживании царя. По части парада или коммерции перворазрядный делец, в делах государственных он «был недалек и легкомыслен», а самый умный – царский лейб-медик профессор С.П. Федоров, но его девиз – «моя хата с краю». Флаг-адмирал К.Д. Ниллов открыто высказывал свою вражду к Распутину, но несмотря на это, отношение царя к нему (в отличие от царя) оставалось по-прежнему доброжелательным. Ниллов был человеком со странностями и путаным языком, отмечал Шавельский, к тому же горький пьяница. Гофмаршал В.А. Долгоруков «слишком прост умом», чтобы пользоваться каким-то влиянием. Комендант конвоя граф Л.Н. Граббе выглядел весьма колоритно: «заплывшее жиром

лицо, маленькие, хитрые и сладострастные глаза». Еда, вино, женщины, чтение скабрёзных романов – единственное, что его интересовало. Любимый партнер царя для игры в кости. Для того чтобы быть советчиком, у него не хватало ни ума, ни опыта, ни интереса к государственным делам. «Начальник походной канцелярии, флигель-адъютант полковник Нарышкин всегда молчал». Граф С.Д. Шереметьев не шел дальше формального исполнения обязанностей дежурного флигель-адъютанта. Генерал К.К. Максимович «на редкость бесцветный». «Красавец» Н.П. Саблин в ставке держался скромно, но Ниллов и Федоров «неоднократно» предупреждали протопресвитера, чтобы он с ним был поосторожнее – распутинец. Мордвинов, скромный, застенчивый, мягкий человек, по мнению Шавельского, не играл никакой роли²².

Только три человека из окружения царя, заключал наблюдательный священник, выгодно отличались от остальных: начальник военно-походной канцелярии В.Н. Орлов (до Нарышкина), его помощник флигель-адъютант А.А. Дрентельн и капитан I ранга К.А. Ден, помощник Нарышкина. Но первые два, долго близкие к царю, попали в опалу и были удалены из ставки за открыто антираспутинскую позицию²³. Третий с трудом передвигался, поэтому в ставке бывал редко, однако его жена – Юлия Александровна (Лили) – до самого конца оставалась одной из многих близких подруг императрицы Александры Федоровны.

Не больше влияния, чем свита, имели и великие князья, находившиеся в ставке. Царя они очень боялись и в решительный момент прятались за спины других²⁴, – вспоминал Шавельский, и в доказательство малозначительности и никчемности великих князей приводил мнение о них герцога Лейхтенбергского: «Владимировичи – шалопаи и кутилы; Михайловичи – стяжатели, Константиновичи – в большинстве какие-то несуразные. Все они обманывают государя и прокуцывают российское добро». В примечании Шавельский уточнял: «Я сильно смягчаю фактические выражения герцога»²⁵. Принимая все это во внимание, Аврех предполагал, что если бы великие князья были «...действительными политическими фигурами, пользующимися авторитетом и весом в определенных политических кругах, обладай они способностью сколько-нибудь широко мыслить и действовать, стать в критическую для строя минуту выше собственных шкурных интересов – одним словом, не будь они мелкой, ничтожной, паразитарной, выродившейся кучкой, царь просто не смог бы не посчитаться с их мнением и требованиями»²⁶. Между тем Г.И. Шавельский признавал, что «Была лишь одна область, где свита была всемогуща – это приемы, приглашения на царские завтраки и обеды. Иногда, действуя хитро, она оказывала влияние и на большие назначения. Смена Поливанова Шуваевым была произведена

по проискам свиты, особенно Нилова и Федорова, не симпатизировавших Поливанову. Рейн также был назначен под давлением Федорова»²⁷.

Наблюдения о царской свите протопресвитера Г.И. Шавельского созвучны впечатлениям начальника канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосолова. «Только с министрами, на докладах, царь говорил серьезно о делах, их касающихся, – вспоминал генерал. – Со всеми другими, с членами императорской фамилии, с приближенными государь тщательно старался избегать ответственных разговоров, которые могли бы его вынудить высказать свое отношение по тому или иному предмету»²⁸. Влияние на царя великих князей, по его мнению, было крайне ничтожным, а влияние непосредственного окружения «всегда преувеличивали». Окружение царя в ставке «производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, больше всего думавшие о собственном интересе, – делал вывод Мосолов. – Ни один из них не мог быть полезным и беспристрастным союзником царя». Своеобразным кредо ближайшего окружения царя, по мнению генерала, был девиз: «главное не вмешиваться в политическую деятельность», знать только свой шесток, а к числу честных и умных он относил только В.Н. Орлова, который «один из всей свиты был политически зрелым человеком», и А.А. Дрентельна, «умного, честного человека, широко культурного и с большим характером»²⁹.

Таким образом, в царской свите выделялось всего несколько человек, которые в той или иной степени оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Это министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс, фрейлина императрицы А.А. Вырубова, дворцовый комендант В.Н. Воейков и генерал-историограф Д.Н. Дубенский. Наряду с ними, на основе материалов следственных дел, ЧСК причислила к когорте «темных сил» придворных кругов, или камарилье, ее фактического главаря – Г.Е. Распутина, кн. М.М. Андронникова, И.Ф. Манасевич-Мануйлова, доктора тибетской медицины П.А. Бадмаева, О.К. Лохтину и др. Но не только этими персонами ограничился интерес ЧСК по криминальному сюжету «темные силы». Круг лиц, так или иначе связанных с Распутиным, в итоге оказался довольно обширным и социально разношерстным. «Есть еще в этом списке (40 фамилий, связанных с именем Распутина) крайне интересные для меня имена»³⁰, – подчеркнул секретарь Комиссии А.А. Блок.

В то же время влияние камарилье было бы невозможно без опоры на так называемый «третий элемент» реакционных, безответственных сил, который определил П.Н. Миллюков. К третьему элементу он относил организации, которые, по его мнению, являлись орудием «темных» сил придворных кругов. «Наиболее доступным для наблюдения, конечно, был третий элемент,

– считал П.Н. Миллюков, – все эти организации, со всеми подходами против Думы, с этими крикливыми речами, субсидируемыми газетами и т.д. Это все легко подвергается наблюдению. Несколько труднее можно было наблюдать конспиративную сторону этих союзов и дружин, с их террористическими попытками. Но это тоже более или менее прошло перед нашими глазами, потому что ряд покушений, ряд убийств, вызывал запросы в Государственной думе, наши обвинения к союзу русского народа, его вождям»³¹. Материалы судебных процессов, несмотря на попытки властей их не афишировать, давали обществу неопровержимые свидетельства об участии черносотенных сил в убийстве депутатов Государственной думы: М.Я. Герценштейна (1906 г.) и Г.Б. Иоллоса (1907 г.). «Так что по всему этому можно раскрывать первичные формы, которые имела деятельность темных сил в ту пору, – резюмировал Миллюков, – когда данные народу уступки казались такими еще недавними, свежими, и, казалось, что можно их взять назад. Словом, эта борьба времени первых двух Дум шла остро, там терроризм практиковался самым решительным образом»³². В подтверждение своих слов лидер кадетов указывал на то, что и он, будучи депутатом первых двух Дум, являлся объектом «довольно систематического преследования» со стороны черносотенцев, направляемых «темными» силами. Однако после того как цель была достигнута – «положение 3 июня издано, подобрана Дума, социальный состав которой вполне соответствует желанию правительства, с которым правительство может идти, тогда мы видим новый фазис – террористическая деятельность отмирает»³³, – делал не совсем корректный вывод Миллюков, забывая о том, что «черносотенный» террор был своеобразной ответной реакцией на революционный террор. Причем количество жертв эсеровских экстремистов во много раз превосходило число жертв черносотенцев, и число боевиков, казненных по приговорам военно-полевых судов вместе взятых.

Рассуждая подобным образом и пытаясь определить связь «темных» сил с черносотенным террором, Миллюков утверждал: «только в исключительных случаях мы находили ниточки, которые шли дальше и выше, но обыкновенно круг замыкался мелкими людьми, и мелкие люди попадали в процессы, даже не средние инспираторы, как Дубровин, – его трудно было вытащить, – а тот, кто выше, совсем скрывался во тьме. После того, как победа достигнута, социальные элементы представительства заменены в желательном смысле, происходит некоторое отмирание в террористической деятельности. В ней не признаются, ее отрицают. Самое большее, что делают, это прикрывают прежних виновников, дают средства скрыться, жить где-нибудь на окраинах России, не попадаясь в руки юстиции. Так что эта деятельность ликвидируется»³⁴, – резюмировал он.

В качестве другого вида деятельности реакционных проправительственных политических организаций Милюков называл «оппозиционную борьбу в парламентских формах». «Они получают большой приход материальных средств во времена выборов, когда у правительства появляется надежда спровоцировать выборы при их помощи, — отмечал он. — Поэтому, действительно, ко времени выборов приурочивается и расцвет их деятельности. Но после неудач перед выборами в 4-ю Думу и этот момент отпадает»³⁵. С этого момента у этих сил остается, по его мнению, последняя форма деятельности — правительственная печать, которая «... в широких размерах субсидировалась впервые при Столыпине Гурляндом, — так называемая кнопка, на которую надо нажать, чтобы вырвать кадетское жало. Это выражение Столыпинской газеты, — уточнял П.Н. Милюков. — Она повела к созданию целой сети таких изданий во всяком большом губернском центре, которые назывались местными именами губернии или окраины. По этому признаку их довольно легко узнавать. Тут создавалась целая компания наемных журналистов. Газеты обыкновенно мало читались, почти всегда едва-едва прозябали, но деньги на них систематически тратились до самого последнего времени»³⁶. При этом лидер кадетов отмечал, что оживление подобной деятельности пришлось на конец 1915 г., когда немного увеличиваются субсидии на два официозных издания — «Земщину» и «Голос Руси». «Таким образом, — приходил к выводу Милюков, — эти организации переживают период расцвета, достигают результатов, затем понемногу чахнут, превращаются или в систематические организации правительственной печати или в субсидируемые органы дворянства и правых партий правительства»³⁷. Вместе с тем Милюков считал, что на какой-то период времени террористическая деятельность черносотенных организаций приостанавливалась, но в годы войны она вновь возобновилась. «Дубровин получает какую-то новую, довольно значительную ассигновку, и эти средства направляются на оживление его деятельности, — уточнял лидер кадетов. — Эпизод со мной — наем Гуцуло — это, по-видимому, один из эпизодов возрождающейся террористической деятельности»³⁸.

Большинство представителей «темных сил», которым народная молва приписывала обвинение в государственной измене и шпионаже, действительно входило в придворное окружение императора, или так называемую камарилью, но по своему статусу они не были должностными лицами, а В.Н. Воейков, хотя и был должностным лицом, но не высшим. Таким образом, хотя разработка этой группы деятелей и не вписывалась строго в рамки статей «Положения» о расследовании преступлений должностных лиц «первых трех классов», тем не менее актуальность и необходимость их разоблачения ни у кого не вызвала сомнений. В связи с этим в ЧСК был образован специальный

отдел, которому поручалось «всестороннее обследование деятельности лиц, безответственно влиявших на действия бывшего правительства», т.е. лиц, не подпадавших под действие «Положения» и получивших название «темные силы»³⁹. Этому направлению (отделу) было присвоено наименование «Обследование деятельности темных сил»⁴⁰, а возглавил его самый талантливый, по мнению Блока⁴¹, следователь В. М. Руднев, который «...получил специальное поручение обследовать источник “безответственных” влияний при Дворе...»⁴². В соответствии с задачами, возложенными на отдел, ЧСК на очередном из своих заседаний постановила «в первую очередь допросить: Воейкова, Танеева, Фредерикса, Хабалова, Протопопова, Штюрмера, Щегловитова, Спиридовича, Климовича, Хвостова, Белецкого, Манасевича-Мануйлова, Бурцева, Горемыкина, Голицына, Андронникова Мих.[аила]»⁴³.

При обсуждении программы расследования деятельности «темных сил», доложенной Рудневым, Муравьев «высказал мысль, что в политике партии двора политическая идея была лишь ширмой для устройств личных дел»⁴⁴, и здесь же предостерег «от преуменьшения значения и влияния при дворе Воейкова, Вырубовой и Г. Распутина» и «предложил дополнить эту программу обследованием деятельности Штюрмера по внедрению шпионажа и идеи сепаратного мира, а также его предположений о выезде после получения отставки за границу»⁴⁵. Но допросы Б. В. Штюрмера не подтвердили «шпионскую» версию и показали, что бывшего царского министра можно обвинить в чем угодно, даже в воровстве, но только не в шпионаже⁴⁶. Вместе с тем А. Я. Аврех справедливо отметил, что «...изобличать “распутинство” и деятельность “темных сил” при дворе можно было только в одном направлении — путем показа всевозможных перекрещивающихся влияний, крайнего падения нравов, разложения, ничтожества и т. п.»⁴⁷.

Следователю В.М. Рудневу как руководителю отдела были предоставлены широкие полномочия. В ходе дознания следственная бригада произвела большое количество выемок документов, осмотров, а также допросили массу свидетелей. «В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, — вспоминал он, — относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики»⁴⁸, следователями были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, личная переписка Государя, Императрицы, некоторых великих князей и других высокопоставленных особ. Кроме того, к делу была приобщена также переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С.С. Игнатьевой, «доктора» П.А. Бадмаева, В. И. Воейкова и других лиц, подпадавших под категорию «темные силы».

Правда, часть документов личного происхождения и, возможно, как раз наиболее ценные по содержанию, были уничтожены их владельцами еще до начала работы ЧСК. Как только сгустились тучи над царской четой, они стали сжигать бумаги в печах и каминах Александровского дворца. Об этой работе откровенно поведал сам император: «приводил в порядок и жег бумаги», – записал он в дневнике 10 марта 1917 г. и на следующий день о том же, – «продолжал сжигать письма и бумаги»⁴⁹. Очевидно, еще больше преуспела в этом деле его супруга. По свидетельству ее ближайшего окружения, она сожгла почти 70 кг «макулатуры», в том числе около 500 писем от иностранных адресатов. «С помощью дорогой Ани (А.А. Вырубовой. – Ю.В.), – вспоминал один из придворных, – Александра посвятила себя задаче критической важности – она принялась сжигать всю свою личную переписку, все письма Распутина, все тетради своих дневников. Более десяти ящиков ценнейших документов, которые, несомненно, могли бы пролить свет на отношения императрицы с ее “кликлой”, в ту ночь превратились в дым»⁵⁰. «Дорогая Аня» попутно сжигала и свои бумаги. Процесс этот занял довольно много времени и не остался незамеченным. Коллега Вырубовой фрейлина Лили Ден даже подшучивала над ней, так как любимица императрицы ходила по дворцу «почерневшая от каминной гари, как истопница», за что и получила от острой на слово фрейлины прозвище «мадам Печная Вьюшка»⁵¹.

В связи с утратой этих документов, конечно, образовалась невосполнимая лакуна в источниковой базе данных о последних годах царствования. Отсутствие этих документов помешало ЧСК максимально приблизиться к выяснению различных вопросов, стоявших перед следствием, а это, думается, повлияло и на объективность некоторых выводов. На исчезновение важных документов обратил внимание и Н. К. Муравьев: «При производстве Чрезвычайной Следственной Комиссией расследования о неправильных действиях б.[ывших] Министров и других высших должностных лиц обнаружилось, – констатировал он, – что ряд документов, касающихся вопросов высшего Государственного Управления за последние годы не оказывается в соответствующих ведомствах и находится неизвестно где»⁵².

Но Комиссия постоянно предпринимала шаги по отысканию и приобщению к материалам следствия документов, содержащих информацию о государственном управлении последних лет царствования. Так, 3 августа 1917 г. председатель ЧСК Н.К. Муравьев направил запрос комиссару Временного правительства над бывшим министерством Двора Ф.А. Головину, в котором отмечал, что часть важных документов была «... комендантом Царскосельского Александровского Дворца, полковником Коровиченко обнаружена в июле с.[его] г.[ода] в помещении означенного дворца и препровождена в Чрезвычайную Следственную

Комиссию, и что посему представляется достаточно вероятным предположение, что и недостающие документы могли сохраниться в дворцовых помещениях Царского Села»⁵³. На основании этого Муравьев просил комиссара Головина «выяснить, не сохранилось ли в помещениях Дворцового ведомства каких-либо письменных материалов, касающихся вопросов Государственного управления, и в утвердительном случае препроводить эти материалы в распоряжении Чрезвычайной Следственной Комиссии»⁵⁴. Ответ Головина оказался неутешительным: «... ни в делах Царскосельского дворцового Управления, ни в делах б.[ывшего] Управления Дворцового коменданта подобных материалов не имеется»⁵⁵. Как видно, «печная цензура» поглотила и эти документы.

Что же касается Вырубовой, то необходимо внести некоторые уточнения в сложившееся представление о ней как о глупой, ни в чем серьезном не разбирающейся женщине, роль которой ограничивалась только тем, что она была простым посредником между Распутиным и царской четой. Да, действительно, по своей образованности она была недалёкой, но имела очень богатый опыт придворных интриг и хорошо разбиралась в тайных пружинах царского двора. «Чтобы удержаться в фаворе у их величеств в течение двенадцати лет, – справедливо отмечал А.И. Спиридович, – удержаться под напором всеобщей ненависти и временами среди чисто женских недоразумений на почве ревности, надо было иметь что-либо в голове»⁵⁶. То же самое подметил и В.И. Гурко. Отношение Вырубовой к царице, отмечал он, «отличалось чрезвычайной хитростью», которая заменяла ей ум и политическую осведомленность. В качестве основного орудия она избрала демонстрацию безграничной преданности, особенно к царю, по отношению к которому «прикидывалась влюбленной». Сразу же при появлении при дворе она «прикинулась необычайно простодушной»⁵⁷.

Понимая опасность «простодушно-влюбленного» влияния распутинской креатуры на августейшую чету, честный и еще более простодушный священник Г.И. Шавельский, почти в отчаянии, попытался добиться аудиенции у царицы и «открыть» ей глаза, но, получив отказ, решил сам наставить Вырубову на путь истинный. «Ничего Вы не знаете. Ничего не понимаете, – назидательно услышал он от нее в ответ. – Ваша ставка с ума сходит! Раньше Алексеев запугивал государя, теперь Воейков теряет голову, Вы тоже... Великие князья – и те потеряли голову». Вот уж действительно: с большой головы – на здоровую. «Особенно удивило меня в разговоре то, – констатировал Г.И. Шавельский, – что Вырубова постоянно выражалась во множественном числе, не отделяя себя от царя и царицы, точно она была соправительницей их. Из беседы с Вырубовой я вынес прочное убеждение, что там закрыли глаза, закусил удила и твердо решили, слушаясь только той убаюкивающей их стороны, безудержно не-

стись вперед»⁵⁸, – к пропасти – следует только добавить к верному выводу Шавельского. Утешая отчаявшегося протопресвитера, А.Н. Граббе говорил ему: «Теперь Вы убедились, что мы значим?.. С нами кушают, гуляют, шутят, но о серьезных вещах с нами не говорят, а уж вопросов государственных никогда не касаются». А сам заговоришь о них – либо не будут слушать, либо оборвут вопросом о погоде. «Для дел серьезных есть другие советники: Гришка, Аннушка – вот им во всем верят, их слушают, с ними считаются»⁵⁹. Таким образом, именно «другие советники: Гришка, Аннушка» стали ключевыми фигурами камарильи, предопределив ее облик и содержание.

Показания Вырубовой на допросе в ЧСК проливали свет на тайны царского Двора и дополнили картину бытия «темных сил»⁶⁰, хотя оценки достоверности ее «откровений» оказались диаметрально противоположными. Следователь В.М. Руднев признался, что при первом же допросе его «... сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Государства <...> влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла <...> В смысле освещения интересовавших меня событий, Г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью»⁶¹. Ответные чувства питала к своему следователю и арестантка. «Из всех их (членов Комиссии. – Ю.В.) один Руднев оказался честным и беспристрастным, – пришла к выводу А.А. Вырубова. – Меня он допрашивал 15 раз, по четыре раза каждый раз»⁶².

Напротив, секретарь Комиссии А.А. Блок не разделял ни восторженного отношения Руднева к бывшей фрейлине, ни его уверенности в правдивости ее свидетельств. «В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама даже перед собой убеждена, что она сказала много правды, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства», – и в пику Рудневу, замороженному подследственной, резюмировал, – «Как ужасно самое существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны», – но затем еще более жестко уточнил, – «Вырубова была только отвратительна»⁶³.

Что же касается председателя ЧСК, то он, по-видимому, не мог составить о Вырубовой окончательного мнения. Возможно, этим и можно

объяснить пристальный интерес Н. К. Муравьева к ее мемуарному творчеству. Правда, в связи с этим произошел неприятный инцидент, который, кстати, настолько сильно задел чувства сенатора С. В. Завадского, что тот вскоре решил покинуть Комиссию.

Дело заключалось в том, что после того как А. А. Вырубову выпустили из заключения, она, бывая в гостях у крепостного доктора И.И. Манухина, познакомилась с его женой «... человеком большого образования, собственных и своеобразных мыслей и несомненного писательского дара»⁶⁴. Через некоторое время бывшая фрейлина императрицы обратилась к Т.И. Манухиной с просьбой отредактировать ее воспоминания⁶⁵, которая, в свою очередь, охотно пошла ей навстречу. В то же время Муравьев был близким другом семьи Манухиных, и во время одной из встреч жена доктора поделилась с ним этой новостью. На тот момент Вырубова формально оставалась подследственной ЧСК, хотя и не находилась под стражей. Естественно, что председателя Комиссии заинтересовали ее откровения, тем более что выданная ей на допросах информация вызвала обоснованные сомнения у многих членов Комиссии по поводу достоверности и полноты. «И тогда Муравьев попросил ее (Т.И. Манухину. – Ю. В.) позволить ему снять для комиссии копию с воспоминаний Вырубовой»⁶⁶, – отметил Завадский, также посвященный в перипетии этой истории. Подобная просьба шокировала и Манухину, и сенатора, который «... лишний раз убедившись, как близки приемы реакционного и революционного “правосудия” (по истине *les extremités se touchent*), решил окончательно, что Муравьеву и мне, нам не по пути»⁶⁷.

Вызывает уважение шепетильность и ранимость Завадского. Действительно, с точки зрения общественной морали и принятых в интеллигентных кругах норм поведения поступок Муравьева напрашивался на осуждение. Но, во-первых, действие, которое вызвало непонимание и критику Завадского, относилось не к сфере «правосудия», а к области дознания, и прокурорскому работнику с большим стажем следовало бы знать, что следственные действия не могут быть «реакционными» или «революционными», а могут быть только законными или незаконными. А с этой точки зрения упрекнуть Муравьева в стремлении приобщить к делу дополнительные сведения нельзя. Во-вторых, товарищу председателя ЧСК не следовало бы забывать о том, что эта просьба исходила от Муравьева не как от частного лица, а как от председателя Комиссии, подследственной которой Вырубова как раз и являлась. Дело ее еще не было закрыто, и у Комиссии оставалось еще очень много вопросов и лично к Вырубовой, и в целом по деятельности «темных сил».

С другой стороны, это было и в интересах самой мемуаристики, так как ознакомление членов Президиума с ее сокровенными мыслями

способствовало бы формированию у них более объективного и непредвзятого взгляда на личность подследственной. К тому же тот факт, что Вырубова решила придать своим воспоминаниям литературную обработку и профессиональную редакцию, свидетельствует о том, что она, скорее всего, планировала их опубликовать, т.е. хотела сообщить им публичный характер. В этой ситуации просьба Муравьева не может рассматриваться как вторжение в частную жизнь индивидуума.

Между тем Комиссия широко использовала практику по привлечению письменных источников личного происхождения к расследованию. Во-первых, это были письменные показания фигурантов ЧСК, имевшие весьма оригинальную форму, в которой подчас были смешаны жанры «современной истории», эссе или даже исповеди. Примером подобного рода могут служить иностранные письменные показания С.П. Белецкого и А.Д. Протопопова⁶⁸.

Во-вторых, к материалам дела приобщались дневники подследственных, а также их переписка частного и служебного характера. Так, например, при расследовании деятельности Министерства двора ЧСК изучила дневники одного из приближенных к императору – генерал-майора Д.Н. Дубенского, который 16 августа 1917 г. обратился к Н.К. Муравьеву с просьбой вернуть его дневник для завершения написания работы о Николае II. «Дневник касается тех исторических дней, которые я обязан изложить и изложить самым тщательным описанием, что без дневника невозможно, – мотивировал свою просьбу генерал. – У меня уже написан 4-й том описания периода войны с февраля 1916 г. по март 1917 г., но мне необходимо закончить время до отречения и описание самого отречения»⁶⁹. Кстати, придворный летописец уже успел выпустить первую часть своего труда⁷⁰ и, естественно, не хотел останавливаться на достигнутом. «Я был свидетелем событий величайшей исторической важности, – справедливо считал генерал, – и считаю своим долгом самым тщательным описанием изложить последние дни царствования Николая II»⁷¹.

Как видно, творчеством генерала заинтересовались и во Временном правительстве. «Весь материал, касающийся четвертого тома я передам Комиссару Минист[ерства] Двора Головину, который доложит Временному правительству мою работу, – сообщал в письме Дубенский и далее предлагал. – Если бы для Чрезвычайной Следственной Комиссии необходим был мой дневник еще на некоторое время, я прошу в таком случае снять с дневника копию и все-таки вернуть мне для работы»⁷². Судя по описанию Дубенским содержания его дневника, он на самом деле представлял большую ценность для ЧСК с различных сторон, так как проецировал взгляд из ближайшего окружения Николая II на повседневные эпизоды и критические моменты последних дней правления последнего российского императора, его

взаимоотношения с приближенными и, конечно, контакты с так называемыми представителями «темных сил».

Наряду с деятельностью Распутина и Вырубовой Комиссию заинтересовали и другие фигуры из лагеря «темных сил». Но их показания весьма сильно различались по объему и по содержанию. Например, допрос ближайшей сподвижницы «старца» О.К. Лохтиной (или – Лахтиной) был одним из самых коротких и малосодержательных⁷³. Лохтина, познакомившаяся с Распутиным 3 ноября 1905 г. после того как, по ее словам, она разочаровалась в светской жизни, пережила духовный переворот и в течение пяти лет была прикована к постели неврастением, от которой ее якобы сразу вылечил Распутин. Несчастливая Ольга Лохтина, когда-то блестящая, остроумная великосветская дама, отдавшаяся Распутину, заболевшая психическим расстройством и, в конце концов, надоевшая Распутину своим собиравшим на улице около нее толпу белым балахоном, увешанным ленточками, своим преувеличенным преклонением и своими приставаниями, до конца верила в то, что Распутин – сам бог Саваоф. И эта вера у нее была соединена с повышенным эротизмом⁷⁴.

Ее показания еще в большей степени, чем у Вырубовой, были проникнуты сильной религиозной экзальтацией и фанатичным преклонением перед «старцем». Ответы Лохтиной были односложными – «да» или «нет», и лишь изредка оживлялись ее рассуждениями о вере. Тем не менее, и здесь председатель ЧСК пытался «накопать» материал. Наблюдая за этим, А.А. Блок сделал несколько штрихов: «Шуба (старца?), длинный разговор о ней Муравьева с Лохтиной. Правильные черты, сухая, много видит, пристальная. Дневники ее, как она жила в монастырях. Жена инженера, была с Илиодором в Царицыне»⁷⁵.

Доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев после неудачной дальневосточной авантюры 90-х гг. XIX в. во время Первой мировой войны вновь оказался на политической арене среди других членов камарильи. «Его “всплытие” – результат удачной смены курса в 1912 г., – считает И.В. Лукоянов, – когда он поначалу поддерживал Илиодора, но, точно оценив перспективу, поменял свою позицию и стал “союзником” Распутина. “Старец” был также заинтересован в союзе с Бадмаевым. По-видимому, с 1912 г. он давал Распутину порошки, помогавшие останавливать кровотечения царевича Алексея. Конечно, отношения Распутина и Бадмаева были далеки от дружбы или доверия, но они нуждались друг в друге, это и скрепляло их союз»⁷⁶.

Более образованный и опытный политический интриган Бадмаев выполнял при «старце» роль своеобразного эксперта по кадрам. Как правило, именно его пациенты становились первыми кандидатами для замещения высших государственных должностей. Так, в феврале 1916 г. он для «сплочения многих» вокруг трона

предлагал Николаю II назначить главой правительства С.Е. Крыжановского, а министром внутренних дел – А.Д. Протопопова⁷⁷. Одновременно Бадмаев продвигал своего постоянного пациента – П.Г. Курлова, правда, долгое время он не мог определить своему протееже достойного места. Так же, как и Распутин, Бадмаев плел интриги вокруг А.Ф. Трепова, и подготовил на него донос царю о «союзе» его с Родзянко, а также высказал предложение разогнать Думу и правительство или, по крайней мере, значительно изменить состав Совета министров. В то же время, в отличие от Распутина, Бадмаев не жаловал Б.В. Штюрмера и желал сместить его – якобы потому, что премьер мешал А.Д. Протопопову⁷⁸.

В 1916–1917 гг. П.А. Бадмаев высказался по общим вопросам политико-экономического положения России, в очередной раз предложив свою идею о необходимости «просвещенного» устройства сельского хозяйства в России, и в который раз повторил положения уваровской триады: «православие, самодержавие и народность». Между тем И.В. Лукоянов отмечает, что своей политической программы Бадмаев не имел. «Отдельные его суждения высказаны в записках и брошюрах, – отмечает ученый. – Прдрекая русской армии в 1915 г. отступление до Урала, он предлагал заняться организацией партизанского движения на оккупированной территории и создать комиссию по расследованию нарушений немцами Гаагских соглашений»⁷⁹.

Что касается политических авантюристов М.М. Андронникова и И.Ф. Манасевича-Мануйлова, то члены Комиссии убедились, что в их лице имеют дело с обыкновенными проходимцами. Накануне революции и в прессе, и в столичном обществе существовало мнение об их тесных отношениях с Распутиным. Но В.М. Руднев в своих воспоминаниях утверждал, что «... следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такового вовсе не имели, и через это поддержать мнение о своем якобы при Дворе влиянии»⁸⁰.

Личность и характер деятельности кн. Андронникова на следствии были освещены огромным количеством разных документов, изъятых Рудневым при обыске в его квартире в марте 1917 г. Причем обыск и выемка материалов заняли у следователей целых два дня: «Из квартиры Андронникова я привез в Зимний Дворец в помещение Комиссии на двух автомобилях колоссальный архив, – отмечал Руднев. – При этом надо отдать полную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные Мини-

стерства, которые в свою очередь распались на Департаменты. Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что кн. Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и представительствами»⁸¹.

Дворцовый комендант Воейков был допрошен следователем Рудневым несколько раз в Центральной крепости, где он был заключен. «Особым авторитетом и влиянием при Дворе, – судя по переписке, найденной у него при обыске, и главным образом по письмам его жены, дочери Министра Двора Графа Фредерикса, относящимся к 1914–1915–1916 годам, – он не пользовался, но был ценим, как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я, из целого ряда бесед с ним, такого впечатления не вынес»⁸². Из писем В.Н. Воейкова к жене Руднев определил негативное отношение дворцового коменданта к Распутину. В некоторых из этих писем «Воейков называл его злым гением Императорского дома и России, находя, что он дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут быть всегда использованы антиправительственными группами»⁸³, – отмечал Руднев. Вместе с тем для членов Комиссии было очевидно и то, что Воейков, мирясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, не находил в себе достаточного мужества противостоять авантюристу и отказывать ему в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышении, выдаче пособий и пр.

Воейков, по мнению В.Ф. Джунковского, являл собой тип самовлюбленного карьериста, озабоченного исключительно своими денежными делами и карьерой. Должность дворцового коменданта его интересовала только с точки зрения тех личных выгод, которые он мог из нее извлечь. Циник и эгоист, он предпочитал увеличение своего капитала и распространение «Куваки» (минеральной воды, обнаруженной в его имении в Пензенской губернии) служению царю. «Оберегать престол» Воейков и не собирался⁸⁴, чем еще раз оправдывал свое пребывание в лагере безответственных сил. Точно так же хорошо разбиравшийся в придворном окружении жандармский генерал А.И. Спиридович указывал на ошибочное представление о роли Воейкова в камарилье. «В Петербурге считали, – писал он, – что генерал Воейков имел большое влияние на государя. Это была большая ошибка. Генерал не имел никакого политического влияния»⁸⁵.

В ходе расследования влияния камарильи на государственные дела ЧСК заинтересовал вопрос: чувствовалось ли вмешательство В.Н. Воейкова в политические дела, и какова была его политика в отношении народного представительства? Ответ-

чая на этот вопрос, М.В. Родзянко утверждал, что прямого влияния на Думу со стороны дворцового коменданта не было. «Раз только такой курьез был, что я его к себе вызвал и распек за то, что он покровительствует Распутину, заявив ему, как лицу влиятельному, что так дальше идти нельзя, что нельзя шутить тем настроением, которое было, – вспоминал председатель Думы. – Он отрицал свое участие, говорил, что все это не так, что все это преувеличено, доказывал, что он никакого влияния не имеет, что ответственность на него пасть не может и т. д. Все это, конечно, было шито белыми нитками»⁸⁶.

Основываясь на показаниях Воейкова, следователь ЧСК В.М. Руднев пришел к выводу, что тот не интересовался политикой и на это были вполне определенные причины. Будучи дворцовым комендантом, он был целиком поглощен хозяйственными делами⁸⁷, но, по свидетельству Руднева, «...особым авторитетом и влиянием при дворе, судя по переписке, найденной у него по обыску, он не пользовался, но был ценим как преданный человек»⁸⁸. К тому же, как выяснилось из его переписки, Воейков был противником Распутина, но, не желая рисковать карьерой, предпочитал свое мнение о «старце» открыто не высказывать.

Таким образом, судя по воспоминаниям В.М. Руднева, влияние «темных сил» при Дворе было явно преувеличено. В то же время обращают на себя внимание диаметрально противоположные оценки следователем деятельности «темных сил». Это дало основание М.К. Касвинову назвать Руднева весьма нелюбезно: «юридический перевертень»⁸⁹. Действительно, в своем интервью корреспонденту газеты «День» следователь ЧСК сообщал о существовании и влиянии «темных сил» при Дворе и о том, что они «подло заигрывали с врагом за спиной истекающей кровью армии...»⁹⁰, а спустя 5 лет он не только смягчил свои оценки в отношении Г.Е. Распутина, А.А. Вырубовой и др., но и вообще поставил под сомнение влияние «темных сил» на царя. Возможно, одна из причин такого странного «переосмысления» Рудневым работы в Комиссии кроется в его конфликте с Н.К. Муравьевым. В конце августа 1917 г. следователь «подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя Комиссии прис.[ажного] пов.[еренного] Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия»⁹¹. Правда, в чем конкретно заключалось давление на него со стороны председателя Комиссии и на какие «явно пристрастные действия» его подталкивали Руднев, к сожалению, не пояснил.

До начала работы у Комиссии были весьма основательные предположения в измене и шпионаже последнего министра внутренних дел А.Д. Протопопова, считавшегося второй после Распутина фигурой в стане «темных сил». В то же время на криминализацию его встречи с агентом германского правительства Ф. Варбургом во время знаменитого стокгольмского совещания

надежд у ЧСК практически не оставалось. Еще до революции стало известно, что встреча с Варбургом – это личная инициатива Протопопова, за которой ничего не стояло, кроме тщеславия и легкомыслия. Тем не менее Комиссия решила еще раз проверить этот инцидент⁹². На одном из допросов, когда председатель заметил, что акция, предпринятая Протопоповым, – «это серьезное событие», последний совершенно искренне ответил: «Серьезного тут нет и большого тут нет. Это есть интересное событие»⁹³.

Допрашивая В.Н. Воейкова, В.Б. Фредерикса, Н.А. Маклакова и некоторых других, ЧСК уже располагала документами, которые убедительно опровергали укоренившиеся в обществе представления о настроениях высших сфер в отношении войны. Буквально откровением стали сведения о том, что барон Фредерикс, этот гипотетический глава так называемой «немецкой партии», вообще не принимал никакого участия в политике. Обвинение его в пронемецких настроениях В.Б. Фредерикс с негодованием отверг, пояснив, что его род не немецкого, а шведского происхождения⁹⁴. Выяснилось, что министра Двора в годы войны уже мало кто принимал всерьез, так как он находился в состоянии старческого маразма, и его небезосновательно считали рамоликом⁹⁵.

Великий князь Николай Михайлович характеризовал Фредерикса как «абсолютное ничтожество». Фредерикс способствовал ряду назначений, но не политического характера. Обычно министр Двора рекомендовал на ту или иную должность офицеров лейб-гвардейского конного полка, в котором сам служил и которым затем командовал. Максимович, Мосолов, Теляковский, князь Орлов, князь Белосельский, Одоевский-Маслов, Новосельцев, барон Штакельберг, Каменев, Переяславцев «обязаны своей карьерой или хорошо оплачиваемым местом только протекции барона, их покровителя и патрона»⁹⁶. В описываемое время Фредерикс уже настало одряхлел, что пребывал в старческом маразме, с ним совершенно не считались. Наблюдения великого князя полностью совпадали с впечатлениями о ближайшем окружении царя начальника канцелярии Императорского Двора А.А. Мосолова. «Министр Двора граф Фредерикс – один из самых близких людей, – отмечал он, – но политикой граф не занимался и о ней никогда не говорил». Капитан Саблин – интимный друг, «но политической роли не играл». Флигель-адъютанты Мордвинов и герцог Николай Лейхтенбергский «никакого политического значения не имели». Вообще флигель-адъютантам «в голову (бы) не пришло докладывать его величеству о чем-либо, выходящем за пределы их дневных обязанностей». «Впрочем, – писал Мосолов, – Фредерикс крайне ревностно и зорко следил, чтобы такие нарушения не могли иметь место. Да и всем нам было хорошо известно, что государь терпеть не мог, чтобы его слуги касались каких-либо вопросов вне круга своей компетенции»⁹⁷.

В постановлении следователя ЧСК «о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая II в области управления государством» приведенные свидетельства подтверждаются. Фредерикс, говорится в постановлении, был личным другом царской четы, но никогда не давал никаких советов, не вмешивался в политику, не участвовал в заседаниях Совета министров, держался в стороне от Вырубовой и Распутина. Воейков мог повредить или, наоборот, помочь той или другой кандидатуре, но не более. Нилов пользовался «гораздо меньшим влиянием». Значительно ближе к царской чете был Саблин. Недалекий, ровный, любезный, свой человек. Он не имел никаких средств, и его содержал биржевой делец Манус, отдававший ему приказы хвалить или бранить того или иного министра в зависимости от того, что самому Манусу было в каждый данный момент выгоднее. Поскольку приказы менялись очень быстро, Саблин часто попадал в трудное положение. Так, в частности, он писал: «только хвалил Барка, а теперь надо его ругать»⁹⁸.

Таким образом, камарилья, ее появление и развитие напрямую связаны с кризисом самодержавной власти. «Причем кризис, – уточняет И.В. Лукоянов, – это совсем не обязательно разложение, это и поиск нового. Однако в империи, где публичная политика была невозможна, всякие политические действия часто получали извращенную форму. Так, в земстве собрались либералы, и оно стало центром умеренной оппозиции режиму вместо того, чтобы заниматься делами местного хозяйства. Вырождение общественного мнения под прессом абсолютизма во всякого рода квази-советы, квази-обсуждения – это также прямой путь к камарилье»⁹⁹.

При этом Лукоянов прослеживает прямой путь от доктрины славянофильства и ее ответвлений к камарилье, указывая на то, что обязательные составляющие этого пути – национализм, антибюрократическая риторика, призывы к близости самодержавия и народа, и делает, на первый взгляд, парадоксальный вывод, что «Участники камарильи – это прямые наследники И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Р.А. Фадеева, а некоторые из них вышли из этого круга (С.Ф. Шарапов)»¹⁰⁰.

Наряду с этим личные качества и проблемы царской четы спровоцировали безудержное и быстрое оформление камарильи в ее законченном виде как пристанища и штаба «темных» сил. «Некомпетентность Николая II, его скрытность, упрямство вместо воли, стремление заигрывать с общественным мнением – все это объективно расшатывало систему самодержавной власти»¹⁰¹, – подчеркивает Лукоянов. Поддерживая этот тезис, И.В. Алексеева несколько расширяет данную сентенцию: «Камарилья всегда сопутствовала монарху слабому и в нее входили, как правило, люди, которые не превышали по своему уровню самого монарха. Это была поддержка идеологическая, идейная, откуда монарх черпал вдохновение.

Это была небольшая группа людей, на которых он мог реально опереться»¹⁰². При этом, однако, она считает, что нельзя ограничивать состав камарильи только людьми «из ниоткуда». «Кроме людей из ниоткуда, в камарилью входили родственники царя, его ближний круг, прежде всего императрица Александра Федоровна, – утверждает Алексеева. – Она была вдохновительницей камарильи. В понятие камарильи обязательно должны включаться те приближенные, те члены императорского двора, которые в разные моменты приближались к царю и каким-то образом влияли на решение пусть мелких, но достаточно животрепещущих для России вопросов»¹⁰³, ссылаясь при этом на то, что С.Ю. Витте значительно пострадал от камарильи, и в его воспоминаниях постоянно встречается выражение «прокаженная дворцовая камарилья». Говоря о технологии самодержавной власти в момент нарастания ее тяжелого системного кризиса, И.В. Лукоянов приходит к выводу, что «камарилья в этом случае играет роль коррозии»¹⁰⁴.

Кризис власти в России стал особо заметным с 1911 г. Он был вызван целым рядом взаимосвязанных факторов, одним из которых, безусловно, следует считать камарилью. При этом понятие камарильи применительно к русской монархии тождественно понятию «темная сила». В годы Первой мировой войны в природе «темных» сил появился новый тревожный симптом: теперь вокруг «личностей из ниоткуда» во главе с Г.Е. Распутиным начал формироваться круг банкиров, таких как Д.Л. Рубинштейн, И.П. Манус и З. Жданов. Слияние камарильи с финансовой олигархией стало опаснейшим и решающим этапом в усилении безответственных влияний на верховную власть накануне краха императорской России. Безответственные и «темные» влияния в известной степени парализовали деятельность верховной власти, особенно в решающие моменты, когда необходимо было срочно принимать взвешенные и ответственные решения. Таким образом, камарилья, державшаяся на фатальных фигурах Николая II и его жены, сыграла зловещую, роковую роль в судьбе страны и явилась одним из факторов, приведших к падению русской монархии.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1967. Т. 31. С. 12.
- ² См.: Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 276. В сходном значении понятие «темные силы» употреблялось и ранее. В начале XX в. «подстрекателем всех темных сил» при дворе называли кн. В.П. Мещерского. (См.: Освобождение. 1902. № 19. С. 333.).
- ³ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479.
- ⁴ В ЧСК работали два следователя по фамилии Руднев – Т.Д. и В.М., и оба возглавили близкие по составу преступлений следственные отделы. Это совпадение ввело в заблуждение многих исследователей. Так, например, доктор

- исторических наук А.Я. Аврех, имея в виду и ссылаясь на В.М. Руднева, упомянул о Т.Д. Рудневе, и, смешав инициалы обоих, высказал предположение, что «Инициалы Руднева – В.Д. В протоколах ЧСК, по-видимому, ошибка» (*Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 98). Кстати, П.Е. Щеголев, упоминая о воспоминаниях следователя Руднева, указывает инициалы – «В.М.», а он-то знал его лично, и ошибки здесь быть не может. (См.: Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXVII).
- 5 Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 353.
 - 6 Там же. Т. 6. С. 252.
 - 7 Слово «камарилья» происходит от испанского «camarilla», и под ней обычно понимают группу придворных, клику, которая, пользуясь своим положением, при помощи разного рода интриг старается влиять на государственные дела в интересах личной выгоды.
 - 8 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140–141.
 - 9 Там же. С. 140.
 - 10 *Лукоянов И.В.* Камарилья // Россия и Первая мировая война: Материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 230.
 - 11 *Врангель Н.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924. С. 210.
 - 12 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 6.
 - 13 *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж, Б. г. С. 5.
 - 14 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 236.
 - 15 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 66.
 - 16 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 230.
 - 17 См.: *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 27–30.
 - 18 *Лукоянов И.В.* Камарилья. С. 230.
 - 19 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 75.
 - 20 *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 335.
 - 21 Там же.
 - 22 Там же. С. 335–338.
 - 23 Там же. С. 338.
 - 24 Там же. С. 340.
 - 25 Там же. С. 26.
 - 26 *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С. 82.
 - 27 *Шавельский Г.* Указ. соч. С. 341.
 - 28 *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, Б. г. С. 13.
 - 29 Там же. С. 92–97.
 - 30 *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 333.
 - 31 Падение царского режима. Т. 6. С. 354.
 - 32 Там же.
 - 33 Там же.
 - 34 Там же.
 - 35 Там же. С. 354–355.
 - 36 Там же. С. 355.
 - 37 Там же.
 - 38 Там же.
 - 39 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
 - 40 *Руднев В.М.* Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39.
 - 41 См.: *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 500. Письмо матери от 11 июня. Коллега В.М. Руднева по ЧСК А.Ф. Романов также считал его «умнейшим и талантливейшим» следователем. Подробнее см.: *Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии // Русская летопись. Кн. 2. Париж, 1922. С. 11.
 - 42 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 39.
 - 43 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 1; Д. 2. Л. 4.
 - 44 Там же. Д. 2. Л. 28об–29.
 - 45 Там же 1. Д. 9. Л. 29–30.
 - 46 См.: Падение царского режима. Т. 1. С. 251–322.
 - 47 *Аврех А.Я.* ЧСК Временного правительства... С. 85.
 - 48 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 39.
 - 49 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 261.
 - 50 *Alexandrov V.* The End of the Romanovs. N.Y.; Boston; Toronto, 1966. P. 141.
 - 51 *Dehn L.* The real tsaritsa. L., 1922. P. 94.
 - 52 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 77.
 - 53 Там же.
 - 54 Там же.
 - 55 Там же. Л. 76.
 - 56 *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 272.
 - 57 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 85.
 - 58 *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 238–240.
 - 59 Там же. С. 247.
 - 60 Падение царского режима. Т. 3. С. 233–254.
 - 61 *Руднев В.М.* Указ. соч. С. 45.
 - 62 Фрейлина ее Величества. «Дневники» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 222.
 - 63 *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 6. С. 446–447.
 - 64 *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 69.
 - 65 Подобную просьбу можно объяснить еще и тем, что А.А. Вырубова за время ее заключения в Петропавловской крепости убедилась в том, «...что у доктора Манухина было золотое сердце, и что он был справедливый и честный человек», поэтому и прониклась к нему теплыми чувствами и безграничным доверием. (См.: Фрейлина ее Величества... С. 226.)
 - 66 *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 69.
 - 67 Там же.
 - 68 См.: Падение царского режима. Т. 4.
 - 69 ГА РФ. Ф. 1467. Д. 10. Л. 67–67об.
 - 70 См.: *Дубенский Д.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Пг., 1915.
 - 71 ГА РФ. Ф. 1467. Д. 10. Л. 68–68об.
 - 72 Там же. Л. 67об–68.
 - 73 См.: Падение царского режима. Т. 3. С. 433–475.
 - 74 См.: Последний временщик последнего царя. (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии о Распутине

- и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 122.
- ⁷⁵ Блок А.А. Записные книжки. С. 343.
- ⁷⁶ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 237.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 701. Л. 4–5.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ⁸⁰ Руднев В.М. Указ. соч. С. 44.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 46.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 227–228.
- ⁸⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 231.
- ⁸⁶ Падение царского режима. Т. 7. С. 171.
- ⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 59–61, 74.
- ⁸⁸ Руднев В.М. Указ. соч. С. 51–52.
- ⁸⁹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1990. С. 225.
- ⁹⁰ День. 1917. 27 июня.
- ⁹¹ Руднев В.М. Указ. соч.
- ⁹² Падение царского режима. Т. 1. С. 142, 143, 148, 186, 189.
- ⁹³ Там же. С. 169.
- ⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 33–35.
- ⁹⁵ См.: Шавельский Г. Указ. соч. С. 195.
- ⁹⁶ Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 105–106.
- ⁹⁷ Мосолов А. Указ. соч. С. 47.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 34–35 об.
- ⁹⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 238.
- ¹⁰² Алексеева И.В. Дискуссия // Россия и Первая мировая война. С. 242–243.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Лукоянов И.В. Заключительное слово докладчиков // Россия и Первая мировая война. С. 252–253.

УДК 17(47)(09)18+929 Лабзин

ЧЕЛОВЕК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ А.Ф. ЛАБЗИНА: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.И. Сидорова

Саратовский государственный университет
E-mail: sidorovani85@mail.ru

В центре внимания автора статьи – личность и мировоззрение А. Ф. Лабзина, воспитанника Московского университета, ученика Новиковского кружка, основателя масонской ложи и вице-президента Императорской академии художеств. На основе анализа его этических воззрений (по материалам периодического издания «Сионский Вестник») раскрываются некоторые особенности духовной жизни русской интеллигенции первой четверти XIX века.

Ключевые слова: идеология, культура, человек, общество, мировоззрение, мистика.

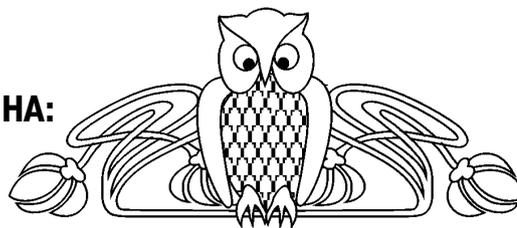
A. F. Labzin's Conceptualization of a Man: Ethical Aspect

N.I. Sidorova

The author of the article focuses on a personality and world view of A. F. Labzin, the Moscow University graduate, Novikovsky coterie's disciple, Masonic Lodge founder and vice-president of Imperial Art Academy. Some peculiarities of spiritual life of Russian intellectuals in the first fourth of XIX century are revealed based on analysis of his ethical views (using Zion Bulletin periodical).

Key words: ideology, culture, men, society, philosophy, mysticism.

Идеология просветителей, события Французской революции, поток беженцев из Франции, Отечественная война 1812 года, дворцовые перевороты, непоследовательная государственная и религиозная политика высших властей, а также ожидания либерализации жизни страны после

вступления на престол Александра I стали явлениями, создавшими новую психологическую и идейную ситуацию в России. Очевидно, период конца XVIII – первой четверти XIX в., будучи чрезвычайно насыщен социально-культурными изменениями, явился переломным прежде всего для общественного сознания наиболее образованных слоев русского общества. Именно в это время, с 1806 и 1817–1818, А. Ф. Лабзин издает «Сионский Вестник», который подобно многим другим сочинениям, журналам, сборникам оригинального и переводного характера затрагивал важные морально-этические проблемы. Каким же представляет Лабзин человека? Как изображает его внешний облик, внутренние качества и земную жизнь? В чем видит его истинное предназначение?

В первых же номерах «Сионского Вестника» издатель говорит о проклятии всего человеческого рода, наложенном из-за презрения Адамом и Евой воли Господа. Вследствие нарушения Его завета «они лишились уже той божественной жизни, которая соединена была с познанием истины, правосудия и святости»¹, а их потомство подверглось трем страданиям: в мысли, воли, действии, известных под казнями (телесная, душевная и духовная), отразившихся на физических и нравственных качествах. После грехопадения тело оказалось подвержено многочисленным болезням, неминуемой смерти, стало менее подвижно, лениво, немощно. Оно превратилось в рану, «которая, хотя бы и не выказывалась наружу, носит в себе